МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСЛЕДОВАНИЙ

ЕЖЕГОДНИК ИМИ

2015

ВЫПУСК 1 (11)

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ»
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ .. 7
Л.С. Воронков. Изменения климата и императивы круглогодичной деятельности в Арктике . 9
А.А. Казанцев, С.М. Медведева. Эволюция локальных человеческих цивилизаций и проблема распространения норм в системе международных отношений . 19
В.А. Морозов. Экономика взаимодействия и категория совместимости в процессах развития человеческого общества. 30

РОССИЯ И ЕЕ СОСЕДИ . 38
В.И. Денисов. Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации . 39
В.М. Муханов, В.В. Новиков. К вопросу об инвестиционном климате в Абхазии и перспективах его улучшения . 49
К.Е. Петров. Инициатива «Восточного партнерства» после Вильнюсского саммита (28–29 ноября 2013 г.) . 63
А.А. Токарев. Перезахоронение грузинских царей Вахтанга VI и Теймураза II на исторической родине как фактор улучшения российско-грузинских отношений . 71
С.И. Чернявский. О положении русскоговорящего населения в Белоруссии, Молдавии и на Украине . 79
Э.Д. Эшба. Черкесы в СССР и их связи с зарубежной диаспорой. 87

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ . 92
Л.Ю. Гусев. Основные направления сотрудничества между Россией и Казахстаном в рамках евразийской интеграции . 93
М. А. Конаровский. Расширение ШОС: возможности и проблемы . 105

БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ . 119
А.И. Вавилов. Взлёт «Исламского государства»: причины и следствия. 120
Ю.Н. Зинин. Феномен ИГИЛ: взгляд из Ближневосточного региона . 135
А.В. Крылов. Израиль продолжает расширять свои поселения . 145
В.А. Суханов. Влияние религии на политические процессы в Израиле. 161
А.В. Федорченко. От поколения к поколению: проблема преемственности власти в аравийских монархиях . 167

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТЕАТР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ . 181
В.И. Денисов. Ядерная проблема Корейского полуострова: есть ли выход из тупика?. . 182
А.В. Лукин, И.Е. Денисов. Россия и концепция «разворота в Азию». 194

В.М. МУХАНОВ, В.В. НОВИКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕСТИЦИОННОМ КЛИМАТЕ В АБХАЗИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕГО УЛУЧШЕНИЯ

Муханов Вадим Михайлович, *к.и.н., с.н.с. Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО (У) МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru*
Новиков Владимир Владимирович, *к.и.н., с.н.с. Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. 125040, Москва, ул. Скаковая, 5. E-mail: novik222@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается текущее социально-экономическое состояние Абхазии, дается его оценка и предпосылки. Делается попытка выявления потенциальных направлений развития экономики республики, а также дается прогноз на ближнесрочную перспективу.

Ключевые слова*: Абхазия, Россия, Грузия, экономическое развитие, проблема доинвестирования, инвестиционный климат.*

Экономическая ситуация в Абхазии и Южной Осетии не является исключительным делом этих двух республик. И дело не только в том, что наполняемость бюджета зависит в значительной степени от России и ее финансовой помощи, но в первую очередь в том, что успех или неуспех этих двух республик чувствителен для самой российской политики в регионе.

Следует признать, что реальная ситуация в обеих республиках крайне непроста, как социально-экономическая, так и политическая. Более того, экономическая составляющая жизни и в Абхазии, и в Южной Осетии может быть охарактеризована как плачевная, и причиной тому является глубина проблем и факторов, которые привели к подобному положению дел.

Следует выделить несколько ключевых факторов, влияние которых на современную ситуацию представляется подавляющим. Во-первых, долгий, почти двадцатилетий, период политико-правовой неопределенности двух республик. Во-вторых, отсутствие какого-либо интереса крупных экономических игроков к ним, вызванного неопределенностью их статуса. В-третьих, развал старой советской экономической системы, куда Абхазия и Южная Осетия были полностью инкорпорированы. В-четвертых, собственно экономический ущерб от вооруженных конфликтов при полном отсутствии внутренних ресурсов для его нивелирования и стойкого внешнего интереса. В-пятых, сильно развившийся за последнее десятилетие синдром отсутствия перспектив и необходимость выживания как у элит, так и у населения двух республик. В-шестых, реальный разрыв в законодательной базе и правоприменении между этими республиками и окружающим их миром. В-седьмых, фактическая изоляция республик от внешнего мира в длительный межвоенный период привели к тому, что управленческие кадры республик оказались оторванными от регулярного обмена опытом и во многом профессионально

непригодны. Кроме того, на развитие Абхазии, особенно Южной Осетии, накладывается также та непростая ситуация, которая существует в российской управленческой системе, в первую очередь это так и не преодоленные коррупционные проявления и бюрократизм.

Все вышеперечисленные факторы крайне важны для понимания ситуации. Однако они зачастую выводятся за скобки при оценке ситуации. И потому рисуется картина весьма проблемных территорий с преобладающим на них неконкурентоспособным и абсолютно неразвитым населением. Не стремясь идеализировать картину, тем не менее укажем, что констатация деформаций и даже патологий в нынешней абхазской и югоосетинской жизни в отрыве от указания на весь спектр породивших их причин ведет исключительно к росту проблем, а не к их разрешению.

* * *

Для подавляющего большинства населения и даже экспертов Абхазия и Южная Осетия идут в одной психологической связке, поэтому и их проблемы представляются одинаковыми, хотя при ближайшем рассмотрении выясняется их различие и специфические особенности. Роднит их то, что они являются результатом распада Советского Союза и процесса суверенизации бывшей Грузинской ССР, а также прямым последствием конфликтов с участием Грузии и военного столкновения с ней России в 2008 г.

Дальнейшее же рассмотрение показывает кардинальную разницу между этими республиками. Начнем с политических аспектов: если Абхазия стремится к построению собственного государственного проекта, пусть и в союзе с Россией, то в Южной Осетии нет единой точки зрения относительно своего будущего. Для части югоосетинского общества и элиты закономерным итогом могло бы стать создание собственного государства по образцу Абхазии, для другой части – желаемым результатом является воссоединение с РФ (причем там одна политическая группа считает возможным вхождение в состав России в качестве отдельного субъекта, тогда как другая настаивает на важность объединения с уже существующим субъектом РФ – Республикой Северная Осетия – Алания).

Существенная разница наблюдается как в советском наследии, так географическом и экономическом положении. Абхазия – это приморская курортная зона, имевшая в советские годы значительный потенциал внутреннего развития. У Абхазии всегда существовал выход к морю (береговая протяженность – 220 км), и была в наличии развитая транспортная инфраструктура, тогда как многочисленные отдыхающие регулярно пополняли местный бюджет. Другое дело, что в результате сложившейся политической и хозяйственной практики большая часть доходов автономии через многочисленные курортные объекты уходила либо в Тбилиси, либо в Москву союзного подчинения. Кроме того, наличие такого промышленного центра, как Ткуарчал (Ткварчели) делало республику интересной и для Москвы. В частности, именно ткуарчальский уголь использовался для нужд Черноморского флота ВМФ СССР, а также советского торгового флота на Черном море. Наличие же многочисленных здравниц и объектов медицинского назначения давало в потенциале возможность для развития тех отраслей, которые ценны в современном постиндустриальном мире.

Несмотря на отсутствие контактов с Грузией, Абхазия имеет определенную сеть коммуникаций, связывающую ее с мировыми центрами, в частности с Москвой и Стамбулом. Есть железнодорожная магистраль, протянувшаяся через всю республику от платформы Псоу (на абхазо-российской границе) до Ингура (на абхазо-грузинской границе). В настоящее время функционирует часть пути – от Псоу до Сухума. Основной вид транспорта в республике – автомобильный (идет процесс постепенного обновления дорожного полотна).

Еще одним потенциальным видом транспорта может стать авиационный, т.к. в Абхазии расположен Сухумский аэропорт им. В.Г. Ардзинба, который представляется весьма перспективным для восстановления и регулярного использования (25 км от Сухума; протяженность взлетной полосы – 3,6 км). Согласно официальным характеристикам, аэропорт рассчитан на прием пассажирских лайнеров и грузовых самолетов, более того, он признан круглогодичным, т.е. может принимать самолеты при любых погодных условиях.

Если аэропорт и его инфраструктуру нужно еще серьезно восстанавливать перед началом эксплуатации, то морские порты республики, несмотря на понесенный ущерб в ходе войны, уже давно используются и могут быть названы спасительными для Абхазии (т.к. именно через них в блокадный период шли столь нужные поставки продовольствия и всего необходимого). В наличие имеются три морских порта: Сухумский, являющийся главным республиканским портом, Пицундский (пассажирско-грузовой порт открытого типа) и Очамчырский (грузовой порт закрытого типа). Все они, по данным абхазской стороны, могут принимать суда грузоподъемностью до 5 тыс. тонн груза. Тем более что есть уже традиционные морские маршруты, по которым и идет торговая деятельность: Сухум – Сочи (протяженностью всего 142 км), Сухум – Трабзон (245 км) и Сухум – Стамбул (1 028 км).

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что Абхазия обладает значительным набором природных ресурсов: большими объемами гидро- и лесных ресурсов, имеет солидный земельный фонд, расположенный в комфортных климатических условиях (+ высокая плодородность почв), хорошо обеспечена электроэнергией.

Таким образом, несмотря на существенный ущерб, причиненный войной, в настоящее время Абхазия имеет серьезный нерастраченный потенциал внутреннего развития, который может стать основой для будущего экономического подъема.

* * *

Однако и этот гипотетический подъем и даже нормальное экономическое развитие упирается в проблему недоинвестирования. Более того, некоторые эксперты считают, что даже гипотетическая перспектива полноценного доинвестирования представляется маловероятной. По нашему мнению, ждать на абхазском направлении быстрых и крупных экономических прорывов не стоит. Однако при правильном использовании как внутреннего потенциала, так и российской финансовой помощи и других видов внешних заимствований ситуацию можно будет стабилизировать и создать условия для поступательного, пусть и небольшого, роста.

Решение проблемы доинвестирования возможно за счет нескольких источников. В первую очередь за счет существующей российской финансовой помощи. В частности, в результате российско-абхазских переговоров на высшем уровне с участием В. Путина и Р. Хаджимбы 24 ноября 2014 г. в Сочи была достигнута договоренность о выделении Абхазии российской финансовой помощи в размере 12 млрд руб. на три года (т.е. примерно 4 млрд в год). Кроме того, в текущем году Абхазия единовременно получит еще 5 млрд руб. При этом важно учитывать и такой фактор, как кризисные явления в российской экономике, вызванные западными санкциями, падением цен на энергоносители и курса российской национальной валюты.

В отношении российской финансовой помощи часто возникает вопрос о ее целевом использовании или даже возможности расхищения. Интересно, что в рассуждениях о подобных действиях часто акцентируется внимание на причастности к этому абхазских кланов. Однако, как считают многие эксперты, расхищение средств может идти не только на сухумском уровне. Тщательное и объективное расследование

нецелевого использования российской финансовой помощи и коррупционной составляющей в ней, вероятно, приведет не только в Сухум, но и в другой – весьма удаленный от абхазской столицы – и более крупный населенный пункт.

По нашему мнению, гораздо более важной представляется тема российской финансовой помощи как эффективного инструмента доинвестирования абхазской экономики. Эта помощь способна стать эффективным инструментом лишь в случае, если она будет использована для создания долгоиграющих и стабильно приносящих прибыль производств. В таком случае она позволит решить сразу несколько проблем: и проблему наполняемости абхазского бюджета за счет собственных средств, и проблему сокращения объемов российской помощи, и не менее важную проблему занятости населения.

Отметим, что повышение эффективности использования российской помощи не может не сопровождаться и усилением государственного контроля в кредитной сфере. В настоящее время многие эксперты отмечают, что сейчас ситуация в ней близка к патовой. Так, кредиты, выданные для создания собственного бизнеса и развития производства, в большинстве своем использовались не по назначению, в частности шли на покупку дорогостоящих предметов потребления и даже роскоши.

Для преодоления подобных негативных явлений в первую очередь нужен эффективный контроль над использованием уже выданных кредитов. Кроме того, необходимо проработать меры, которые бы купировали вышеуказанные эксцессы. Например, один из абхазских экспертов предлагает в ряде случаев отказываться от выдачи кредитов на создание бизнеса, а строить объекты хозяйственной деятельности (например, мини-заводы по переработке сельскохозяйственной продукции) и передавать их в аренду бизнесменам с правом дальнейшего выкупа. Еще одной возможной мерой представляются контроль над расходованием кредитов и возможное создание льгот при оплате кредитов для тех, кто создает успешный бизнес (списывание процентов или частичное списывание кредита вообще).

Возможным ресурсом доинвестирования может стать и сотрудничество Абхазии с отдельными российскими регионами и даже вовлечение их в совместные инвестиционные проекты. Самый простейший вариант – создание здесь теми или иными регионами по договоренности с абхазскими властями собственных зон рекреации.

Однако здесь существует определенная опасность, которая уже проявилась в сотрудничестве Республики Абхазия с Краснодарским краем. Представления и, соответственно, отношение некоторых представителей политической элиты Кубани к Абхазии таковы, что они зачастую рассматривают ее как часть «Большого Сочи» со всеми вытекающими отсюда последствиями. В первую очередь можно указать на имеющиеся у кубанской элиты (особенно ее сочинской части) бизнес-интересы в Абхазии, реализация которых происходит часто в весьма специфическом стиле. Это в свою очередь накладывается на устоявшееся представление в абхазском обществе, что мнение отдельных чиновников является официальной позицией России, «мнением Кремля» (например, подобное представление доминировало в отношении губернатора Краснодарского края А. Ткачева). Показательно, что подобная негативная тенденция присутствовала и в отношениях с Южной Осетией. Вспомним хотя бы историю «челябинского десанта» в РЮО во главе с бывшим премьер-министром этой республики В. Бровцевым.

Помимо Краснодарского края, в список возможных партнеров Абхазии из российских регионов логично попадает Карачаево-Черкесская Республика (КЧР). В пользу этого говорит и наличие общей границы, и уже устоявшиеся экономические связи (например, большая часть молочной продукции приходит в Абхазию именно из КЧР), а также тот факт, что там проживает наиболее

близкий к абхазам народ адыгской группы – абазины. В настоящее время даже существует проект строительства перевальной дороги из КЧР в Абхазию. Более того, некоторые эксперты мечтают и о строительстве железнодорожной ветки параллельно автодороге.

У данного проекта есть свои «за» и «против». Главным плюсом представляется то, что дорога соединит не только КЧР и Абхазию, но и другие северокавказские субъекты РФ (имеющую общую границу с КЧР Кабардино-Балкарскую республику, а в перспективе и Северную Осетию-Аланию). В пользу данного проекта говорит и тезис о том, что строительство дороги даст толчок для развития Очамчырского порта, а также всего Очамчырского-Гальского региона.

В числе «против» называют такой фактор, как возможное задействование данной дороги для экспансии радикального ислама из КЧР и КБР. Кроме того, серьезным негативом представляется возможный экологический ущерб от строительства подобной трассы.

Отметим также, что тема строительства дороги в Абхазию весьма политизирована и зачастую использовалась в качестве аргумента в борьбе между бывшей администрацией А. Анкваба и ее оппонентами. Тем не менее сотрудничество КЧР и Абхазии может привести к тому, что у страны появятся инвесторы из числа абазинских бизнесменов (например, им может стать крупный петербургский бизнесмен абазинского происхождения Мусса Экзеков).

Еще одним потенциальным ресурсом доинвестирования представляется иностранный нероссийский капитал. Сразу оговоримся, что никаких инвестиций от крупных западных корпораций ждать не приходится (риск попасть под международные санкции из-за работы в Абхазии достаточно велик).

Отметим, что иностранный капитал, который представлен, например, в предприятии «Ткуарчал-уголь» во главе Тайфуном Ардзинба – это не чисто турецкий капитал, а капитал турецких абхазов. Более того, сам Тайфун Ардзинба уже более 20 лет имеет абхазское гражданство и живет в этой стране. Поэтому называть «Ткуарчал-уголь» турецкой фирмой, как это делают многие эксперты, некорректно.

Еще один показательный момент: в начале 2011 г. к Абхазии проявила интерес одна из израильских компаний, работающих в сфере безопасности, однако до возникновения реальных деловых отношений дело не дошло, так как для израильской стороны установление этого контакта было, скорее, формой шантажа Грузии. Как известно, в тот период в Тбилиси были арестованы два гражданина Израиля – Зеев Френкель и Ронни Фукс, которых обвиняли в попытке подкупа тогдашнего заместителя министра финансов Грузии Автандила Хараидзе. По мнению ряда экспертов, израильская сторона просто пыталась оказать психологическую атаку на грузинское правосудие и правительство.

Большее внимание должен вызывать у экспертного сообщества наметившийся интерес к Ткуарчалу ООО «Черноморские природные ресурсы» во главе с Александром Ченгелия и гражданином Индии Джасвинбером Сингхом. Напомним, что ООО «Черноморские природные ресурсы» – это абхазское юридическое лицо, которое создано при участии индийских инвесторов. Действительно, деятельность данной компании при определенных обстоятельствах может стать одним из главных катализаторов развития Ткуарчала.

Еще одним потенциальным источником доинвестирования может стать капитал крупных абхазских бизнесменов (Б. Бутба, О. Аршба, Б. Агрба и др.), сделавших свое состояние вне пределов Абхазии в период 1990–2000-х гг.

Однако здесь есть определенные нюансы. Во-первых, состояния этих бизнесменов достаточно ограничены для ведения крупномасштабных инвестиционных проектов. Во-вторых, надо учитывать, что крупные бизнесмены абхазского происхождения стали активнее инвестировать в свою страну после

2008 г., когда исчезла угроза прямого военного конфликта между Абхазией и Грузией. В-третьих, зачастую инвестиции в Абхазию были для этих бизнесменов частью их собственных политических проектов.

В наиболее законченной степени это относится к Беслану Бутбе. Этот человек не только создал успешный бизнес в Москве, но и в 2002 г. пошел в политику, став депутатом абхазского парламента Абхазии. В 2007 г. он создал Партию экономического развития Абхазии (ЭРА) и первый в стране независимый частный телеканал «Абаза-ТВ». Более того, в 2009 г. баллотировался на пост президента, но проиграл С. Багапшу и Р. Хаджимба, заняв только 4-е место. В прошлом году в результате смены власти в республике он занял пост премьер-министра республики, но недавно подал в отставку. Подчеркнем, что одновременно с политической деятельностью Беслан Бутба развивал и бизнес в Абхазии (в особенности его интересовали рынок недвижимости и развитие строительного бизнеса).

Многие эксперты считают, что такое совмещение бизнес-интересов и политической деятельности ведет к росту коррупционной составляющей в абхазской экономике. Однако существует и альтернативное мнение, согласно которому приход к властным рычагам таких людей, как Бутба, может сократить коррупционную составляющую в процессе исполнения бюджета, т.к. последний материально обеспечен и не будет касаться государственных средств. С другой стороны, нельзя исключать, что крупный бизнесмен, ставший политиком и занявший высокий государственный пост, не откажется от соблазна лоббировать интересы своих структур для подключения их к тем или иным государственным проектам.

* * *

Что касается собственно российских инвесторов, то здесь возникает сразу несколько проблем. Начнем с того, что к настоящему времени Абхазия оказалась интересна в основном крупным российским госкомпаниям (ОАО «Роснефть», ОАО РЖД и т.д.). Из числа российских частных инвесторов к молодой республике проявил интерес только «Базовый элемент» Олега Дерипаски. В конце прошлого года стало известно, что подразделение данной компании – «Аэропорт Девелопмент» – заявило о своем намерении принять участие в реконструкции международного аэропорта им. Владислава Ардзинбы.

Подчеркнем, что «Базэл» впервые проявил интерес к аэропортам в 2006 г., когда предметом его внимания стали аэропорты Краснодарского края. В 2013 г. «Базэл» завершил реконструкцию Международного аэропорта города Сочи, которая была осуществлена в рамках подготовки к Зимним Олимпийским Играм 2014 г. Таким образом, интерес к аэропорту им. Ардзинбы в Абхазии, видимо, рассматривается структурами Дерипаски как продолжение интереса к соответствующей инфраструктуре Краснодарского края. При этом сама Кубань давно является предметом интереса Дерипаски, который является уроженцем этого края.

Еще одним привлекательным (развивающимся) направлением является сотовая связь. Там интерес с российской стороны проявился вскоре после признания независимости Абхазии: известный игрок на отечественном рынке связи – компания «Мегафон» – в конце 2008 г. купил контрольный пакет крупнейшего сотового оператора республики – «Аквафона» (показательно, что сейчас он является главным налогоплательщиком в Абхазии, и в 2013 г. его налоговые выплаты составили 1/10 доходной части республиканского бюджета).

Следует указать, что проблема вхождения в абхазскую экономику крупных российских инвесторов вызывает настороженную реакцию самой абхазской стороны. Причина – явная асимметрия в потенциалах между абхазской экономикой и возможностями инвесторов такого уровня. Существуют опасения, что могут скупить всю Абхазию

и при этом проигнорировать интересы как населения, так и политико-экономических кланов. Отметим, что подобные негативные ожидания от крупных инвесторов отражают не только субъективные настроения абхазской стороны, но и существующую российскую реальность. Признаемся, что практика работы крупного бизнеса в России зачастую далека от цивилизационных рамок.

Понятно, что абхазскую сторону устроили бы инвесторы из числа средних по величине бизнесменов. Однако большинство российских предпринимателей приводят четкие возражения, которые сводятся к нескольким основным пунктам. Во-первых, международно-правовой статус Абхазии, который по-разному понимается в мире, не дает твердых гарантий эффективности инвестиций. Во-вторых, явной угрозой представляется существование в Абхазии неформальных институтов и правил игры, которые оказывают негативное влияние на экономику. В-третьих, действующее в республике законодательство препятствует приобретению собственности и получению гражданства, которое могло бы быть для инвесторов-нерезидентов дополнительной гарантией эффективности и надежности инвестиций.

Насколько такие утверждения оправданы?

Начнем с вопроса статуса. Действительно, Абхазия сегодня – страна, чей международно-правовой статус не до конца определен. Однако существуют инвестиции в Палестинскую автономию, в Турецкую Республику Северного Кипра и т.д. Таким образом, вопрос, скорее, заключается не в политическом статусе, а в гарантиях невозобновления военных действий и в возможных перспективах и вариантах гипотетического российско-грузинского урегулирования. Нынешний статус-кво дает высокую гарантию невозобновления военных действий. Кроме того, существующая политическая конъюнктура исключает возможность не просто российско-грузинского урегулирования, а тем более такого типа урегулирования, который бы предполагал компромисс между Москвой и Тбилиси за счет «сдачи» Абхазии.

Таким образом, неурегулированность статуса компенсируется гарантией невозобновления военных действий. А значит, не может считаться ключевым аргументом против инвестиционной активности в Абхазии.

Более сложным представляется вопрос о наличии тех самых теневых институтов и неформальных правил игры, которые зачастую пугают инвесторов. Признаем, что такой феномен в Абхазии имеет место быть. В качестве яркой иллюстрации существования неофициальных правил игры можно привести такой феномен, как наличие у многих земельных участков и объектов недвижимости двух владельцев – формального и неформального. И уж, конечно, нельзя отрицать фактов рейдерского захвата собственности или просто обмана российских инвесторов в Абхазии, «яркими» примерами чему являются истории Игоря Варова или Александры Кузнецовой.

При этом необходимо сделать несколько важных замечаний, или даже уточнений. Часто приходится слышать, что такое положение вещей – результат якобы доминирующего в Абхазии архаичного семейно-кланового строя, жертвами которого становятся цивилизованные россияне. Сразу укажем, что все разговоры о том, что есть какие-то семейные кланы, которые хранят память о том, кто и где занимал какую землю чуть ли не с древнейших времен, – это миф. Действительно, политико-экономические кланы в Абхазии имеют как региональную (бзыбскую, абжуйскую), так и семейно-родственную специфику, однако ее степень и влияние кланов не стоит переоценивать, так же, как и служебные, дружеские и иные неформальные связи в абхазском обществе. Что касается наличия теневых собственников земли и объектов, то зачастую это не семейно-родственные кланы, а представители тех людей, которые осуществили их захват и установили неформальное

право собственности сразу после грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

Истории типа Кузнецовой и Варова связаны, скорее, не с якобы имеющим место желанием абхазских политиков и чиновников отобрать собственность российских инвесторов, а с борьбой конкурирующих абхазских кланов друг с другом. А также с тем обстоятельством, что российские инвесторы активно принимают участие в этой борьбе. Так, история Александры Кузнецовой связана с политической борьбой между бывшим главой Абхазии А. Анквабом и экс-главой Гагринского района А. Кецба. Кузнецова договаривалась о развитии своих бизнес-проектов именно с Кецба и вольно или невольно попала в жернова политической борьбы в республике.

Вторая «знаковая» история с инвестором из России – история Игоря Варова, – мягко говоря, не так проста, как ее пытаются представить его «общественные защитники». Его появление в Абхазии датировано примерно 2001 г. Варов является гражданином Абхазии – гражданство ему было предоставлено вскоре после появления в республике. Отметим, что тема гражданства и препятствий на пути его получения – одна из тех тем, которая педалируется многими как аргумент против вхождения в абхазскую экономику. Варов данное препятствие обошел. Таким образом, де-юре коллизия вокруг него и его собственности – это не коллизия вокруг российского инвестора и абхазской власти, а чисто абхазский сюжет.

Господин Варов пришел в Абхазию с капиталом, происхождение которого вызывало вопросы. Его отношения с местными политическими кланами также носили непрозрачный характер, и у него были свои партнеры и сторонники. То есть Варов представляется не невинной жертвой произвола, а участником непрозрачной комбинации, в которой его мотивация и действия могут оказаться столь же далеки от нормативности, как и мотивация и действия его оппонентов.

Высказанные замечания не отменяют наличие теневых правил игры в Абхазии, что является приоритетным обстоятельством. Плюс к этому, следует признать и тот факт, что на сегодня российские предприниматели, готовые инвестировать, не создали структур для лоббирования своих интересов и площадок взаимодействия с абхазской элитой. Те же структуры, которые были призваны играть подобную роль (например, Российско-Абхазский деловой совет), оказались фактически недееспособными.

Теперь об ограничениях во владении собственности. Действительно, в Абхазии есть запрет на продажу земли, жилого фонда иностранцам, очень затруднен процесс получения гражданства. Зачастую это пытаются объяснить попытками абхазов выстроить государство по этническому принципу. Однако такой факт, как предоставление абхазского гражданства представителям других национальностей, контрастирует с этим утверждением. Хотя и вообще не говорить об этническом аспекте тоже неправильно.

Многие абхазские эксперты признают, что меры по ограничению продажи земли и недвижимости направлены и на то, чтобы минимизировать опасность их скупки со стороны грузинской общины России. В России, как известно, проживает большая диаспора, среди которой есть и выходцы из Абхазии. Совершенно очевидно, что появление хотя бы ее небольшой части (пусть и с российскими паспортами) приведет не только к нежелательным психологическим последствиям, но и к новым конфликтным ситуациям.

И всё же основной причиной следует назвать другую: малые размеры Абхазии приводят к ограниченности ее земельных ресурсов, и с учетом того, что возможности неабхазских инвесторов намного превосходят возможности местных инвесторов, то существуют большие опасения, что абхазский земельный фонд будет весь скуплен за довольно короткое время.

Тем не менее для повышения уровня инвестиционной привлекательности Абхазии, безусловно, нужно трансформировать законодательные нормы об ограничении на владение собственностью. Понятно, что подобные изменения должны быть реализованы на основании какого-либо компромиссного варианта с учетом реалий постконфликтного мира.

В качестве возможного компромисса можно предложить разрешить продажу иностранцам (не только россиянам!) жилье, но без права получения гражданства. При этом для реализации можно предложить инвестиции в первичное строительство и советский долгострой. При этом определенные ограничения в правах должны быть сохранены для тех бывших жителей Абхазии грузинской национальности, которые участвовали в грузино-абхазской войне и в последующих вооруженных столкновениях.

Что касается участия в приватизационных процессах, то абхазское законодательство имеет определенные «лазейки» для иностранцев. В процессе приватизации государственной собственности имеют право участвовать исключительно юридические лица Республики Абхазия, но в их учреждении могут участвовать и иностранные юрлица. Еще один важный момент заключается в том, что приватизация собственности осуществляется вместе с земельным участком. Кроме того, абхазское законодательство позволяет использовать иностранным инвесторам земельный фонд без права продажи. В частности, земельный фонд разрешено использовать под строительство объектов туристической сферы.

Таким образом, следует признать, что абхазская социально-экономическая реальность обладает многими дефектами, деформациями и даже откровенными недостатками. Однако они не носят фатального характера, как это пытаются представить некоторые российские эксперты, хотя выправление ситуации, особенно в социально-экономической сфере, может произойти не в ближнесрочной перспективе.

* * *

Ситуация вокруг инвестиционного климата в Абхазии невозможна без анализа положения в конкретных отраслях абхазской экономики. В принципе, можно выделить три кластера – туристический, аграрный и промышленный. Плюс к этому, стоит упомянуть об еще одной немаловажной составляющей социально-экономической жизни – транспорте.

Как мы уже писали выше, спецификой абхазской жизни является наличие неформальных институтов и определенных «правил игры», которые, бесспорно, оказывают негативное влияние на экономику, препятствуя ее развитию. Это, в свою очередь, объясняет тотальное доминирование теневого сектора в экономике. Подчеркнем, что значительная часть жителей республики привыкла работать в тени, не существует четкой системы налогообложения и полностью отсутствует централизованная система сбора налогов.

Этому способствует то, что ключевой отраслью является туристическая, которая была и остается основным источником дохода для большого количества жителей Абхазии. Еще одной традиционной отраслью представляется сельское хозяйство. По мнению декана экономического факультета АГУ Беслана Барателия, эти традиционные отрасли давно уперлись в свой потолок и серьезный прорыв в них возможен только при значительных инвестициях, которых пока нет, и мало кто верит, что они придут в обозримом будущем. С этим мнением абхазского экономиста трудно не согласиться.

Очевидно, что для большинства экспертов и просто обывателей Абхазия ассоциируется прежде всего с туризмом. Более того, бытует утверждение, что именно туризм может (и должен!) стать той отраслью, которая исполнит роль локомотива абхазской экономики. При этом есть и противоположная точ-

ка зрения, согласно которой современная Абхазия не может отвечать высоким туристическим стандартам. А значит, никаким локомотивом абхазской экономики туризм быть не может.

По нашему мнению, «туристоцентричный» взгляд на абхазскую экономику не совсем верен. Начнем с того, что не вся Абхазия является туристической зоной. Показательно, что в современной республике распределение рынка платных услуг в туристической отрасли происходит исключительно в Западной Абхазии – Гагра, Пицунда, Гудаута, Новый Афон и Сухум. Тогда как в Восточной Абхазии (Гульрипшский, Очамчырский, Ткуарчальский и Гальский районы) никакого рынка туристических услуг практически не существует. Подчеркнем, что такой дисбаланс рынка туристических услуг существует с советских времен. Именно тогда была создана ситуация, при которой запад Абхазии предоставляет туристические услуги, а восток – это промышленная и сельскохозяйственная житница республики. Отметим, что в настоящее время восточная Абхазия находится в состоянии затяжного экономического кризиса. И это усиливает дисбаланс между относительно обеспеченным западом и достаточно бедным востоком страны.

Кроме того, важно указать, что превращение Абхазии (а равно с ней курортов Краснодарского края и Крыма) во «всесоюзную здравницу» – это во многом результат специфической советской ситуации закрытости страны, фактического запрета на выезд за границу для большинства граждан и сопутствующих этому обстоятельств. И хотя те же абхазские и крымские курорты существовали и до революции 1917 г., но тогда социальная роль курортов была другая. Курорты не были явлением массовым, а являлись местом рекреации в основном привилегированных слоев общества.

Распад СССР и социально-экономические трансформации в России и на постсоветском пространстве в целом повлекли за собой и изменение и структуры туристического рынка. Были открыты границы, появились новые направления – Турция, Египет, Европа и т.д. Быстро возникла прослойка людей, которая может позволить себе отдых за рубежом, в том числе и дорогостоящий. Таким образом, большинство бывших советских курортов – Абхазия, Краснодарский край, Крым – просто автоматически должны были испытать как острую конкуренцию со стороны новых туристических направлений, так и изменение контингента.

Для Абхазии на эти обстоятельства наложились еще и последствия войны 1992–1993 гг., и длительный процесс постконфликтного урегулирования, и ситуация политико-правовой неурегулированности. Следует отметить, что Абхазия вновь стала открытой для туристов в начале 2000-х гг., но возможность для полноценного задействования абхазских курортов появилась лишь после августовских событий 2008 г. И дело не только в том, что признание Россией, Никарагуа и Венесуэлой государственного суверенитета Абхазии привело хоть к какой-то определенности в статусе страны. Но и в том, что до конца августа 2008 г. Абхазия не контролировала такую важную часть своей территории, как Кодорское ущелье, использовавшееся грузинской стороной как плацдарм для возможного возобновления военных действий.

Однако за прошедшие шесть лет туристического бума в Абхазии не случилось. И тому есть множество причин. Приходится признать, что в настоящее время практически нет объективных причин для качественного подъема туристической отрасли молодой республики. Инфраструктура остановилась на первичном уровне, никакого ее развития в последние годы не происходит. Более того, имеющийся временной промежуток – с конца 2008 г. по сегодняшний день – слишком мал, для того чтобы коренным образом переломить те негативные тенденции, которые копились в течение полутора десятилетий.

Имеется в виду транспорт (аэропорт не работает, туристам без автотранс-

порта, коих подавляющее большинство, остается добираться либо железнодорожным, либо пешеходным путем через российско-абхазскую границу по р. Псоу; наиболее распространен в Абхазии автотранспорт, альтернативы которому практически нет); сервис, зачастую не выдерживающий никакой критики; вопрос личной безопасности и сохранности имущества, а также периодические проблемы с водо- и электроснабжением.

Отметим, что существующая рыночная и социальная конъюнктура делает Абхазию привлекательной в основном для людей с невысоким доходом. Остальные, имеющие возможность выбирать, останавливаются на традиционных направлениях, таких как Турция, Египет, Альпы. Более того, ко многим приезжающим в Абхазию из России можно применить название «односезонные туристы», которых отталкивает именно несоответствие уровня сервиса и существующей инфраструктуры заявленным ценам. Были ожидания, что в 2012-м и особенно 2013-м гг. Абхазии удастся использовать крайне благоприятную конъюнктуру, сложившую в мировой туристической сфере (в связи с серьезным изменением международной ситуации, а также подготовкой России к Сочинской Олимпиаде), однако эти надежды разбились о безынициативность и фактическое бездействие абхазской стороны. Как показывает официальная статистика, именно лето 2012 г. оказалось первым с положительной динамикой турпотока (в 2010 г. – на 20 % меньше по сравнению с предыдущими годами, в 2011 г. – на 15 % меньше). В 2013 г. по сравнению с 2012 г. число туристов выросло ещё на несколько процентов.

Тем не менее никаких заметных изменений в имеющуюся инфраструктуру внесено не было. Единственно, что произошло – это увеличение числа номерного фонда за счет восстановления старых мест и введения в строй новых санаториев и мини-отелей, причем подавляющее большинство изменений – в частном секторе. Репутация и привлекательность абхазских курортов падает. Большинство туристов из России дают отрицательные отзывы, не рекомендуют своим друзьям и знакомым ехать в Абхазию на отдых, тем более длительный. Сформировался четкий негативный имидж, регулярно подпитываемый новыми сообщениями из республики (похищения, грабежи и разного рода конфликтные ситуации).

Все это вкупе с нерешенностью вопроса безопасности и размытостью законодательной базы (в частности, в области прав собственности) говорит о том, что туристическая отрасль, несмотря на ее огромные перспективы, не представляется в настоящее время привлекательной из-за целой серии серьезных рисков.

Однако нельзя исключать, что возникшая в результате глубокого военно-политического кризиса на Украине конъюнктура может дать Абхазии еще один шанс для нового притока туристов и фактического повторения ситуации 2011–2013 гг. Во-первых, политические осложнения между Россией и странами Евросоюза могут привести к снижению турпотока по таким традиционным направлениям, как Италия, Греция, Кипр и т.д. Во-вторых, экономические последствия введенных против России санкций уже приводят к реальному падению доходов значительной части населения, в том числе и среднего класса, что заставит обратить внимание последнего на бюджетные туры. В-третьих, Крым, который многими рассматривается как своего рода российская «туристическая Мекка», вовсе не так уж стабилен и имеет несколько проблемных точек. Очевидно, что Крым не может не страдать из-за блокады украинской стороны (в первую очередь, водный вопрос). Также острым представляется вопрос о путях транспортировки российских туристов в Крым. На сегодняшний день сухопутные пути через Украину фактически перекрыты, а к строительству моста через Керченский пролив еще не приступали. Также

нельзя исключать того, что постройка моста вообще будет остановлена в случае углубления экономического кризиса.

В любом случае возможная благоприятная для Абхазии туристическая конъюнктура не может быть использована без доинвестиций в эту отрасль. Наиболее интересными и потенциально перспективными направлениями для инвестирования в данную сферу представляются следующие:

- Строительство новых точек санаторно-курортного комплекса с независимыми объектами инфраструктуры. Это представляется крайне вероятным, особенно при создании российско-абхазских СП (на долевом участии).
- Если сфокусироваться на сопутствующей инфраструктуре, то стоит развивать легкую промышленность, в первую очередь пищевую, а также кустарные производства, которые традиционно сопутствуют курортному делу. Места общепита, кафе, рестораны – весь этот сектор можно и нужно развивать, причем без особо крупных вложений. И тут опять выступают внутренние проблемы, т.к. для роста жизненно важна внутренняя конкуренция с подготовленным местным персоналом. В этом вопросе на сегодняшний день ситуация весьма печальная.
- Некоторые эксперты высказывают весьма амбициозные идеи о развитии круглогодичного туризма в Абхазии, т.е. о создании связки «море – горы» (они считают возможным попытаться связать прибрежный кластер с горным). Для этого необходимо создать горнолыжную курортную зону вместе с канатными дорогами, а также обратить пристальное внимание на минеральные источники. Бесспорно, что все это требует серьезных инвестиций с одновременным улучшением всей инфраструктуры в республике. Разработка такого направления сложна и трудоемка и может окупиться только в среднесрочной перспективе, но это гарантирует стабильный доход как инвестору, так и молодой республике в будущем.

Однако никто из экспертов не видит в ближнесрочной перспективе предпосылок для стремительного роста рассматриваемой отрасли. Более того, возможные перспективы развития абхазского туристического кластера невозможно рассматривать без связки с другим важным кластером – сельскохозяйственным.

* * *

Сельское хозяйство является второй традиционной отраслью Абхазии. Признаем, что в настоящее время она тоже пребывает не в лучшем состоянии. Крайне мало представлена абхазская сельскохозяйственная продукция на местном рынке, который забит российскими и турецкими товарами. Задача активизировать программу по импортозамещению давно озвучена республиканским руководством...

Однако для этого необходимо осуществить целый ряд шагов, к которым абхазская сторона еще не приступала. Помимо самого роста производства сельскохозяйственной продукции, нужно реализовать много сопутствующих инфраструктурных мер (развитие сектора хранения, переработки и логистики сельскохозяйственной продукции). В частности, нужны складские помещения для хранения закупаемой у местных производителей продукции на территории республики, действующие линии по переработке и упаковке, гарантированная система перевозки (т.е. собственный автопарк).

Сейчас же налицо заметный спад выпуска сельскохозяйственной продукции, в некоторых отраслях просто критический: в разы сократилось производство цитрусовых и овощей, практически прекращено выращивание чая и полностью исчезло выращивание табака. Здесь главным тормозящим фактором представляется длительное отсутствие централизованного сбыта продукции и недостаточное финанси-

рование государством сельхозсектора. Существует проблема вывоза, ставшая уже традиционной. На протяжении целого ряда лет фиксировалась порча товара при длительном стоянии на границе и т.п.

Тем не менее цитрусовые – это традиционный абхазский бренд. Например, мандарины пользуются большим спросом в России и стоят гораздо ниже привозных из Европы или Африки. На них стоит сделать ставку, создав благоприятный режим пересечения российско-абхазской границы. Особенно положительное воздействие на торговлю сельскохозяйственной продукцией окажет отмена таможенных пошлин между Россией и Абхазией, что зафиксировано в межправительственном соглашении, которое должно вступить в силу как раз с 2015 г.

Если сконцентрироваться на тех сельскохозяйственных направлениях деятельности, которые уже развиваются в Абхазии и кажутся весьма перспективными, то стоит перечислить следующие:

- Выращивание овощей и фруктов, в том числе и в тепличных условиях, для обеспечения курортного сектора собственными продуктами. Положительные примеры уже имеются в Очамчырском районе.
- Создание крупных плантаций фейхоа и киви. Последний уже несколько лет дает стабильный урожай, и вместе с фейхоа может быть поглощен российским рынком.
- Развитие ореховых и чайных плантаций.
- Возрождение выращивания табака.
- Создание перерабатывающих предприятий для сохранения урожая и диверсификации выпускаемой продукции.

Отметим, что в настоящее время приоритетом официально обозначены такие культуры, как яблоки, персики, фейхоа, киви, инжир. Объявлена программа по созданию и развитию крупных плантаций.

По данным Министерства сельского хозяйства Абхазии, подобные плантации заложены в течение последних двух лет практически во всех районах, начиная от Гагринского и до Гальского. Общая площадь засеянных за период 2012–2013 гг. посадок превышает 800 гектаров (используется система капельного орошения). Некоторые плантации очень обширны и достигают ста гектаров. Отдельные посадки уже дали первые урожаи в 2013 г. В частности, планируется заменить импортные яблоки местными, поэтому на плантациях Очамчырского района (близ сел Адзюбжа и Лашкендар; площадь каждой – около 40 гектаров) яблоки занимают треть от всех посадок, вместе с персиками и фейхоа.

Некоторые абхазские эксперты оценивают ставку руководства республики на приоритетное развитие фруктовых культур однобокой и ошибочной. Жизненно важно и весьма перспективно для Абхазии, по их мнению, развивать такие традиционные отрасли, как животноводство, чаеводство и табаководство. Правительство фактически свернуло программу развития чайной отрасли, т.к. ликвидировало республиканское унитарное предприятие «Абхазчай», и три чайные фабрики были переданы муниципальным властям, т.е. практически прекратили работу. В настоящее время чайное производство в минимальном объеме сохранилось только в частном секторе. Аналогичная ситуация и с выращиванием табака. Сегодня абхазский рынок заполнен качественной привозной продукцией, поэтому заинтересованности в местном сырье нет. Серьезно сократилась и доля в общем производстве животноводческой отрасли, которая тоже не выдерживает конкуренции с зарубежными производителями.

Одно из распространенных объяснений нежелания абхазского руководства делать ставку на эти отрасли заключается в том, что оно не видит свободной ниши для вывода собственной продукции на рынок. Кроме того, зафиксирован почти тотальный невозврат кредитов (на общую сумму около

3 млрд руб.), выданных в период правления Сергея Багапша, в том числе и на развитие данных отраслей, что заставляет нынешнее правительство опасаться дальнейшей траты денежных средств на подобные проекты. Тем не менее, по оценке ряда экспертов, оказанная господдержка данным отраслям хоть и не принесет быстро прямой выгоды республиканской казне, но поможет сохранить умирающее абхазское село. Эта мера позволит занять сельское население систематической работой и остановить его постоянный отток в город, в первую очередь молодежи.

В промышленном секторе наиболее дееспособным выглядит винодельческая отрасль, флагманом которой является Сухумский винзавод (считается вторым по значению налогоплательщиком, обеспечивающим около 5 % республиканских доходов). Другая традиционная отрасль – угольная – пребывает сейчас в глубочайшем упадке и запустении. Несмотря на присутствие в ней «турецкой» компании во главе с Т. Ардзинба, никаких успехов там не наблюдается, как и доходов республиканского бюджета.

Надежды на возрождение угольной отрасли и города Ткуарчал связывались именно с приходом концессионеров из Турции, однако они разрабатывали только одну шахту, которая не требовала серьезных дополнительных вложений. Напомним, что инвесторы оказались из числа турецких абхазов, именно этим многие объясняют их длительное присутствие, несмотря на отсутствие выгод для абхазского бюджета. В любом случае эта отрасль находится в катастрофическом состоянии и представляется непривлекательной для серьезных инвесторов. Не решен и вопрос с рабочей силой. Ранее шахты являлись градообразующим фактором для Ткуарчала, сейчас его население крайне малочисленное и в подавляющем большинстве не пригодно для работы там.

Таким образом, на сегодняшний день в Абхазии весьма непривлекательный инвестиционный климат в связи с целым набором нерешенных вопросов и рисков, т.к. он почти не стимулирует экономический рост в республике, который напрямую зависим от российской финансовой помощи (что представляется реальным стержнем и опорой абхазской экономики). Поэтому стоит признать, что политические и социально-экономические итоги постсоветского периода существования Абхазии исключают надежные гарантии масштабных частных инвестиций в республику.

ON THE INVESTMENT CLIMATE IN ABKHAZIA AND PROSPECTS FOR ITS DEVELELOPMENT

Vadim M. Mukhanov, *Ph. D. (history), senior researcher,*
Center for Caucasus studies and regional security,
Institute for International Studies, MGIMO-University,
76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow. E-mail: vadim_muhanov@inbox.ru
Vladimir V. Novikov, *Ph. D. (history), senior researcher of the Institute*
for political and social research of the Black Sea-Caspian region,
5 Skakovaia str., 125040. Moscow. E-mail: novik222@mail.ru

Summary

The paper examines the current socio-economic status of Abkhazia, given his assessment and prerequisites. An attempt is made to identify potential directions of development of economy of the Republic, and also gives an outlook in the near-term.

Key words: *Abkhazia, Russia, Georgia, economic development, the problem more investments, investment climate.*